

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ

Алексеевич Е.В.,

аспирант 3 года обучения ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Крикливец Е.В., доктор филол. наук, доцент

Ключевые слова. Социально-психологическая повесть, «маленький человек», психологизм, постсоветская литература.

Keywords. Social-psychological novella, «the small person», psychologism, post-Soviet literature.

Тема данного исследования – проявление типа «маленького человека» в русской социально-психологической повести от 1930-х до рубежа XX–XXI веков. На материале произведений М. Зощенко, Л. Чуковской, А. Платонова, В. Тендрякова, В. Маканина, Ю. Полякова, М. Палей, С. Бабаяна прослеживается переход от «социального типа» к психологически сложному субъекту, чья частная биография становится инструментом моральной диагностики эпохи. Показано, как в разные периоды меняются способы изображения: от сатиры и гротеска, притчевости и антиутопии – к монтажу микросцен, внутренней фокализации, символизации пространства и иронии. Актуальность работы связана с недостаточной разработанностью темы в рамках жанра.

Цель исследования – выявить ключевые модификации образа «маленького человека» в социально-психологической повести в позднесоветский и постсоветский периоды.

Материал и методы. Материалом исследования послужила русская социально-психологическая повесть XX – начала XXI века. В работе использовались аналитический и описательный методы.

Результаты и их обсуждение. «Маленький человек» в русской социально-психологической повести не просто наследие классики, а устойчивый элемент жанра, через который повесть заново осмысляет взаимоотношения личности и эпохи: «повесть, конструируя “микромодель” мира, отражая “часть от целого”, стремится к постижению действительности вообще (индуктивный способ познания)... посредством осмысления частных моментов выявляет и раскрывает общие социально-исторические и нравственно-этические закономерности (метонимическая сущность повести)» [1, с. 36]. Жизнеспособность жанра держится на его адаптивности: при смене исторического контекста меняются ракурсы и приёмы, но сохраняется смысловое ядро – внимание к частной судьбе, к внутреннему выбору и уязвимости героя.

В 1930-е годы, несмотря на давление формирующегося соцреализма, «маленький человек» не исчезает, а «уходит» в сатиру, гротеск, притчу. У М. Зощенко («Возвращённая молодость») [2] классическая линия «униженного и терпящего» переносится в городскую повседневность: Василий Волосатов, зависимый от быта и чужих инициатив, пробует снова «обрести молодость», но цепь случайностей и понуждений возвращает его к «малой нормальности». Ирония и гротеск здесь не украшение, а способ выявить внутреннюю пустоту человека эпохи. У Л. Чуковской в повести «Софья Петровна» (1939) [3] женский вариант «маленького человека» встречается с безжалостным механизмом репрессий: лояльность системе оборачивается полной беспомощностью; кульминационный жест – сожжение письма сына – делает частную боль и беспомощность знаком времени. У А. Платонова в повести «Котлован» (1930) [4] работает притчево-антиутопическая оптика: Воцев, «устраняемый с производства вследствие... задумчивости среди общего темпа труда» [4], становится фигурой изгнания из утопии «общего дома». Здесь «маленький человек» – экзистенциальный свидетель обезличивания.

Война и послевоенные десятилетия вытесняют эту фигуру из повести: литература консолидирует общество, задаёт героический модус. Возврат к частной нравственной коллизии намечается в период «оттепели» – показательно, как в «Находке» (1965) В. Тендрякова [5] локальный эпизод (найденный младенец, встреча с виновной) ломает чёрно-белую оптику возмездия и переводит разговор к состраданию и личной ответственности. Повесть вновь действует метонимически: через частное – к общим этическим вопросам.

В последней трети XX – начале XXI века «маленький человек» возвращается в центр социально-психологической повести, но уже как психологически сложный субъект. Меняется конфигурация формы: к реалистической фактуре добавляются монтаж микросцен, внутренняя фокализация, лейтмотивы и символизация пространства, а также постмодернистская ирония – при сохранении модернистской серьёзности этического вопроса. У В. Маканина в повести «Антилидер» (1980) [6] Толик Куренков сталкивается с сатирическими антиподами (Большаков, Тюрин, Сыропцев). Карнавально-сниженные эпизоды драки и срыва маскируют главный посыл: конфликт статусов превращается в конфликт ценностей, а бунт «маленького человека» обречён и ведёт к внутренней капитуляции.

Ю. Поляков в повести «Апофегей» (1989) [7] рассказывает о негативных морально-этических проявлениях эпохи застоя: карьерный рост Чистякова требует конформизма и «идеологического чутья», личная цена – утрата совести и соучастие в карательных преступлениях. Иронический рефрен «Полный апофегей!» фиксирует победу «винтика системы». Здесь сатирический реализм – инструмент моральной диагностики: частная интрига высвечивает устройство позднесоветского механизма. Композиционно это поддерживается монтажом приватного и публичного, локальным гротеском «публичного порицания» при торжественном антураже, точным приближением к сознанию героя.

В постсоветское время меняется и социальная рамка «маленького человека-интеллекта». У С. Бабаяна в повести «Без возврата. (Негерой нашего времени)» (2001) [8] учёный Андрей Иванович не сумел «конвертировать» собственную образованность в «рыночную востребованность». Аллюзия на Лермонтова полемична: «негерой» – не циничный игрок, а человек совести, чья этика оказывается «непригодной» для новой прагматичной реальности.

Заключение. Таким образом, переход от «социального типа» к психологически сложному субъекту очевиден: «маленький человек» теперь имеет собственную ценностную систему и частную историю травмы, а не растворяется в эпохе. Этическая проблематизация вытесняет нормативный пафос «положительного героя»: повесть работает как моральная диагностика – насилия, молчаливого согласия с неправдой, дезориентации в эпохе новых ценностей, бюрократического обезличивания. Адаптивность образности героя при сохранении смыслового жанрового ядра поддерживает жизнеспособность и актуальность русской социально-психологической повести сегодня.

1. Крикливец, Е. В. Жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века: сравнительно-типологический аспект : монография / Е. В. Крикливец. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – 216 с. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/21257> (дата обращения: 10.09.2025).

2. Зоценко, М. М. Возвращённая молодость / М. М. Зоценко. – Москва : АСТ, 2020. – 480 с.

3. Чуковская, Л. К. Софья Петровна / Л. К. Чуковская. – Москва : Эксмо, 2024. – 576 с.

4. Платонов, А. П. Котлован / А. П. Платонов. – Москва : АСТ, 2019. – 192 с.

5. Тендряков, В. Ф. Свидание с Нефертити. Находка. Костры на снегу / В. Ф. Тендряков. – Москва : Советский писатель, 1970. – 560 с.

6. Маканин, В. С. Отставший. Повести и рассказы. / В. С. Маканин. – Москва : Худож. лит., 1988. – 431 с.

7. Поляков, Ю. М. Апофегей / Ю. М. Поляков. – Москва : Литературный фонд, 1990. – 160 с.

8. Бабаян, С. Г. Без возврата : сборник рассказов / С. Г. Бабаян. – Москва : Ритм, 2021. – 512 с.

ПОЛАЦКІЯ ХРАМЫ Ў МАСТАЦКІМ АСЭНСАВАННІ БЕЛАРУСКІХ ПАЭТАЎ

Апяцёнак Д.А.,

навучэнка 2 курса Полацкага каледжа ВДУ імя П.М. Машэрава,

г. Полацк, Рэспубліка Беларусь

Навуковы кіраўнік – Машарская К.Г., выкладчык

Ключавыя словы. Вобраз храма, мастацкае асэнсаванне, паэзія, Полацк.

Keywords. Image of the temple, artistic interpretation, poetry, Polotsk.

Полацк, некалі сталіца багатага і магутнага княства, заўсёды славіўся сваёй прыгажосцю. Як заўважыў Пятрусь Броўка ў паэме “Беларусь”, “яшчэ ў дні старыя, у век наш лучынны, аб горадзе Полацку слава ішла...” [2, с.41] Старажытная гісторыя вабіць сюды прыезджых і радуе тых, каму пашанцавала тут нарадзіцца. Таму невыпадкова